
ОН – МОЯ ТЕНЬ.
Я – ЕГО
ОДЕРЖИМОСТЬ.
ПОМНИ
МЕНЯ
НОЧЬЮ
ЛИ МУРР

Ли Мурр
Помни меня ночью

https://litres.ru/74782514

Аннотация

Мой личный ад начинается, когда я закрываю глаза... Бесконечные пустые коридоры, пахнущие сыростью, и мужчина, чьё лицо невозможно разглядеть.

Он - мой хозяин, мой палач, мой самый постыдный секрет. Каждая ночь с ним - это жестокая игра, дичь и жесть, от которой хочется кричать, но тело просит ещё. Днём я ничего не помню, кроме липкого чувства ужаса. «Ты проснёшься и всё забудешь»- шепчет его порочный голос.

И я забываю. Утром я обычный офисный работник, пытающийся выжить в унылой осенней серости и вытерпеть своего высокомерного коллегу. Я живу обычной жизнью до тех пор, пока солнце не зайдёт за горизонт. Но однажды в офисе звучит фраза, которую я должна была забыть на рассвете... В тексте есть: жестко и откровенно сталкер в сознании

САУНДТРЕК Like You're God - Mehro

Книга с иллюстрациями.

Новые главы каждый день в 7.00

Содержание

Глава 1. Изнанка реальности 4
Глава 2. Изнанка реальности 5
Глава 3. Изнанка реальности 8
Глава 4. Открытые пространства 12
Глава 4. Арты 17
Глава 5. Муравейник 19
Глава 6. Кто-нибудь видел мою девочку? 24
Глава 7. Проснись, Ди! 31
Глава 8. Четыре, пять... Я иду искать! 38
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Глава 1. Изнанка реальности

Холодно очень, а я в легкой шелковой пижаме...

Я сижу на полу, но где? Это сон. Надо просто открыть глаза. Проснуться.

Пытаюсь напрячься, как в детстве, но не просыпаюсь.

Прямо передо мной в темноте вижу смутно бесконечные коридоры, вспышками из темноты черные дыры дверных проемов, уходящие в никуда перспективы… Это кошмар. В ушах будто гул, от этого жуткая геометрия пространства еще сильнее пугает меня.

Я чувствую, как капля липкого пота стекает по моему лбу, провожу рукой. Ощущения почти как в реальности, хочется скорее проснуться, но никак.

Если честно, то во снах так не бывает… Или бывает? Ничего не понимаю, но почему-то стараюсь сидеть тихо. Просто переждать, просто ни о чем не думать, слиться со стеной и полом.

Но, естественно, мои планы мое собственной подсознание отметает как ворох листьев.

Где-то в бесконечности пульсирующих коридоров я замечаю силуэт. Вспышками он приближается ко мне. Я зажимаю рот рукой, чтобы не заорать. Ужас меня почти сковал.

Тень все ближе, контуры явно человеческие и мужские…

Глава 2. Изнанка реальности

Больше ничего (Nothing More) -polnalyubvi включаем дорогие и жмем газ в пол!)

***

Да, это мужчина. Лица не разглядеть, он все ближе, причем будто не идет даже, а надвигается в одной позе вспышками… Радоваться ли, что не монстр, не знаю, но предчувствия нехорошие.

Он теперь совсем рядом. Я не дышу, даже сердце будто замедлилось послушно. Только бы не привлекать внимание… Но он точно знает, что я здесь.

Я ничего не могу с собой поделать, и, все еще зажав свой рот, поднимаю глаза на него. Грудь обнажена, кожа смуглая, либо мне так кажется во тьме. Сильная грудь, широкая… Немного скашиваю глаза вниз, понимаю, что он обнажен. Но ни лица, ни ног явно я не вижу.

Он нависает надо мной.

Я вжимаюсь затылком в стену. Гладкий шелк моей пижамы скользит по стене, я чувствую себя абсолютно голой и беззащитной перед этой фигурой.

Он опускается на корточки прямо передо мной. Медленно, плавно. Он как волк, который загнал добычу в угол и теперь никуда не торопится.

Лица по-прежнему не видно: непроницаемая тень погло-

щает все черты.

Я хочу отползти, вжаться в пол, раствориться. Но сонный паралич держит намертво.

Он медленно протягивает ко мне руку, крупная мужская ладонь с длинными пальцами касается моего лица, скользит по шее, к ключице, к краю пижамного топа.

Я всматриваюсь, пытаюсь всмотреться и увидеть хотя бы его глаза, но там ничего нет.

Самое ужасное: я чувствую его руку как наяву, она теплая, в отличие от моей холодной кожи.

Его вторая рука ложится на мое голое колено, и он начинает медленно, но жестко вести рукой вверх, по моему бедру. Это не грубое прикосновение, больше властное. От его касаний волоски на моем теле встают дыбом, и я понимаю, что хорошим этот сон для меня не закончится.

Пальцы на моей шее он сжимает. Не душит, нет. Просто жестко фиксируют, обрывая любые попытки сопротивления.

Он наклоняется еще ближе. Тень, скрывающая его лицо, нависает надо мной, затопляя всё мое зрение. Я чувствую его горячее дыхание на своей щеке и запах, он забивается в легкие. Так пахнет кожа, которую бросили в костёр, и вместе с этим - маняще сладкий запах спелой, раздавленной пальцами ночной малины.

Мужчина раздвигает мои дрожащие колени, скользит по ноге под шортики пижамы, гладит меня между ног, не проникая внутрь.

– Что, страшно? – слышу его голос. Он будто и у моего уха, но также везде в этом лиминальном пространстве, сливается с гулом коридоров. Голос мне не знаком.

– Будет еще страшнее, Диана. Это твой самый страшный сон, и он не прекратится, пока я не решу.

Я взвизгиваю, услышав свое имя. Ни в одном сне никто не называл меня по имени. Кого, хоть кого-то звали во снах реальными именами? Меня никогда. До сих пор.

Я пытаюсь ответить, но понимаю, что губы мне не разомкнуть. Вообще. Я мычу от ужаса, мой рот уже не зажат рукой, но он словно залеплен клеем. Хочу проснуться, сейчас, скорее…

– Не мычи. Я пока не хочу слушать твои вопли. И да… Сейчас произойдет то, чего ты так боишься. Да, Диана. Сейчас, и в следующую ночь, и потом… Ты попалась.

Мой мучитель больше не церемонится. Подтягивает меня вверх по стене, переворачивает так, что я щекой чувствую шершавый бетон.

Глава 3. Изнанка реальности

Руки моего мучителя резко стягивают с меня шелковые шортики, обнажая ягодицы. Он сжимает их руками, сильно, а его обнаженная грудь вдавливает меня в стену еще сильнее.

– Какая же ты упругая, Ди. И сочная. Я так тебя и представлял. Часто… Все мои мысли были о тебе, о том, какая ты красивая, умная, весёлая.

Мужчина говорит тихо, голос становится все более человеческим.

– А еще ты заносчивая сука. Да, не мычи. Просто холодная стерва. Ты отвратительна в своем лицемерии: сначала манишь, даёшь зеленый свет, очаровываешь… Зачем ты так играешь с людьми, мм?

Я пытаюсь встряхнуть головой, наваждение какое-то, он говорит так связно, будто мы не в моем кошмаре, а в жутком капкане реальности.

– Ты пахнешь вкусно… Я знаю твои духи. Ты пахнешь как оранжерея после дождя, Ди. Мылом, шёлком и розами. Чистая, правильная, стерильная девочка… Знаешь, как сильно этот твой шлейф чистых роз выжигал мои лёгкие? Сводил меня с ума. Я хотел дышать тобой, касаться, потом сорвать с тебя эту чистоту…

Он прижался своей щекой к моей, а потом медленно провел носом по скуле, лизнул, укусил ощутимо за мочку уха. Я

вскрикнула и сильнее замычала.

Мужчина негромко, недобро засмеялся.

– Ауч, больно? Привыкай. Но мне нравится, как ты дрожишь. Ты проснёшься утром и не будешь помнить всего, но ужас останется. Ощущения останутся. Ты не убежишь, не спрячешься от меня теперь… Люди, Диан, не могут не спать.

Его руки легли теперь на мою талию, с силой заскользили вверх, под шелковый топ. Я изогнулась, и от этого мои ягодицы уперлись ему в пах… О, он явно был возбуждён. Мучитель рвано задышал и сильно, больно скользнул руками по моим ребрам.

– Сука ты, Диана. Даже во сне, даже спиной хочешь управлять мужчинами, вертеть как пожелаешь. Но сегодня ты проснешься… А завтра посмотрим.

Он ладонью шлепнул меня по ягодице, хлёстко, от этого кожа начала гореть. Я сдержала крик.

– Сладких дневных кошмаров, Диан. До скорой встречи…

И в этот же миг мир с оглушительным треском лопнул, осыпаясь осколками темноты.

Глаза распахнулись сами. Резко, навстречу реальности моей собственной спальни.

В груди сердце билось так, будто я только что пробежала марафон, но тело… тело меня не слушалось.

Пошевелить хотя бы пальцем на руке я не могла, на меня по ощущениям навалилась бетонная плита. Настоящий сонный паралич.

Я уставилась в потолок.

Там, в полумраке предрассветного часа, дрожали ломаные тени от ветвей деревьев за окном. Оранжевый свет уличного фонаря разрезал комнату пополам, фонарь мигал – редко, эти вспышки на потолке казались биением чьего-то гигантского сердца.

Что это было? Что это сейчас было?..

Я отчаянно пытаюсь уцепиться за уплывающие образы.

Картинка таяла, превращаясь в липкий туман.

Секунду назад там было что-то важное, пугающее, грязное и… невыносимо горячее. Память ластиком стирала детали, оставляя только ощущения. Я чувствовала, как огнем горит кожа на ягодице. От реального, тяжелого удара.

В ушах все еще звучал низкий, недобрый мужской смех, а на периферии сознания билось украденное имя: «Ди…»? Кто во сне звал меня так?

Оцепенение спало резко. Шелковый топ неприятно лип к мокрой от пота спине.

Дрожащими ногами я нащупала тапочки и побрела на кухню. Город за окном спал, укутанный в холодный осенний туман, а меня всю трясло.

Рука с трудом удерживала стеклянный стакан.

Я сделала жадный глоток ледяной воды, закрыла глаза и вдруг чуть было не выронила его.

В пустой, темной кухне, перебивая все остальные запахи, отчетливо пахло гарью. Так пахнет дорогая, опаленная ко-

стром кожа. И… спелая, раздавленная малина.

Глава 4. Открытые пространства

Я смотрела в стену, устало, уныло даже. Просто застыла у кухонного фартука. Время само не торопилось возвращаться в эту реальность, сколько так я стояла, не помню.

Рассвет за окном лениво выполз из-за серых многоэтажек. В голове было гулко и пусто.

И тут запела колонка, бодро, буднично. 07:00.

Я вздрогнула… Будильник требовал просыпаться, а я больше не хотела спать, причем никогда.

Дальше я действовала механически, как утренний офисный зомби: душ, смыть с себя липкий ночной пот. Сзади на ягодице расцвел лиловый синяк… Я упала с кровати? Не помню.

В зеркале в ванной привычно отражало меня. Мне двадцать пять. Породистая, яркая девушка – из тех, на кого оборачиваются на улицах, даже если они в безразмерных мешковатых вещах.

Густые, почти черные волосы лежали на плечах. Пухлые, чувственные губы, подтянутая фигура – результат регулярных тренировок в зале, где я привычно выжигала дневной стресс. Красивая, да. Только глаза сегодня были стеклянные.

Быстро сделала себе кофе в капсульной машине, без сахара, без молока, просто горький. Съела бутерброд с сыром и маслом.

Накрасилась, оделась по-деловому, накинула пальто цвета спелой брусники. Уже у двери брызнула на себя мои любимые Chloe: розы, мёд, чистота. Любимый аромат.

***

На улице сентябрьский промозглый ветер сразу швырнул в лицо горсть мелкой водяной пыли… Ненавижу осень.

До метро я быстро дошагала, пряча подбородок в воротник.

Водяная пыль мгновенно осела на ресницах мелкими каплями, мир вокруг казался залитым серостью.

Подземка встретила меня привычным утренним адом.

Людской поток засосал меня в свое душное нутро. Стеклянные двери, турникеты, пиканье карт…

Я ступила на эскалатор, и он медленно повез меня вниз. Я разглядывала лица людей.

В вагоне меня прижали к двери. Я смотрела на свое блеклое отражение, поезд швыряло из стороны в сторону, колеса скрежетали на поворотах.

Через сорок минут я поднялась на лифте на наш этаж, зашла в офис, шумный опенспэйс сразу вызвал у меня первые позывы бросить все, уволиться и больше ни дня в жизни не работать…

Но вместо заявления я пошла к своему столу. Вокруг уже вовсю кипела жизнь: обычный офисный ад.

Я только успела скинуть пальто на спинку кресла, как…

– Диана Владимировна, вы решили, что можете забить на

совещание?

Я неохотно, почти до боли неохотно обернулась.

Да-а-а… А точнее: нет. Задолбал, урод.

Из-за него в том числе я искренне проклинала каждый рабочий день.

Виктор… Сука, Франкенштейн. Виктор Смирнов, точнее. Дотошный гад. Сколько я ни пыталась его как-то очеловечить (улыбки, юмор, даже флирт), он все равно был чудищем.

Не внешне. Внешне это был высокий, подтянутый, в идеальной белой рубашке с завернутыми до локтей рукавами мужчина. С лицом породистого мерзавца.

Он смотрел на меня сверху вниз, и сейчас его улыбочку мне очень хотелось стереть кулаком.

– Привет, Виктор. Ты, как всегда, точен. Но я не забиваю, нет. Я буду там вовремя.

– Только с чем? Отчет твой, Диана Владимировна, что-то не прикреплен к встрече в Тимсе.

– А я так расскажу. Там несложно. Словами через рот.

Виктор скривил губы и поморщился.

– Посмотрим. А точнее послушаем… Ваша изворотливость уже стала легендой в компании.

Я ничего не ответила, опустилась в своё рабочее кресло.

Виктор не ушёл. Наоборот, он обошёл мой стол и присел в кресло напротив, на место моей укатившей на больничный коллеги Маши.

Кстати, при странных обстоятельствах…

– Виктор, ты теперь тут всегда будешь работать?

– Нет, Диана… Только до тех пор, пока мы не закроем проект. Тем более, Мария, по сведениям из отдела кадров, будет на больничном минимум месяц… Перелом.

Перелом… Вот гад. Лучше б он себе что-то переломал. Я на секунду мечтательно прикрыла глаза, визуализируя сцену моей расправы над ним. Кровь, крик, хруст костей… Эх. Жаль, в реальности за такое не похвалят. Зато настроение немного улучшилось.

Геометрия нашего угла в опенспэйсе была издевательской.

С моего места этот дотошный гад был виден как на ладони: широкие плечи, закатанные рукава, идеальная, раздражающая поза. Но и с его места открывался стопроцентный обзор на меня. Каждое моё движение, каждый вдох – всё было у него перед глазами.

Мимо меня по коридору пронеслась секретарь Алиночка, с подносом, на котором дымился кофе для шефа и корично пахли его же круассаны… Я втянула носом воздух. Вкусно, наверное…

Только вот к этим запахам добавился еще шлейф. Густой, проникающий в пространство вокруг моего стола.

Запах кожи и малины, вроде бы. В голове замаячило название. Да, это Том Форд, Тосканская кожа. Точно.

Но как будто сегодня от этого запаха у меня в груди стран-

но и болезненно сжалось.

Я знала этот парфюм, помнила… сука, будто память заклинило намертво. Я никак не могла вспомнить, *где* и *при каких обстоятельствах* я так близко вдыхала этот странный аромат. Почему от него внутри всё задрожало?

Виктор тем временем откинулся на спинку кресла, сплёл пальцы в замок и посмотрел прямо на меня. Он едва заметно прищурил серые глаза, фиксируя мою заминку:

– Что, Диана Владимировна, слова через рот закончились, так и не начавшись? Или мой парфюм отвлекает вас от мыслей о работе?

Глава 4. Арты

Картиночек))
Включаем песни и любуемся, дорогие)
Лилу 45 - Восемь.
Просто Лера - Выбраться...
)
)

Глава 5. Муравейник

Я скривила губы и молча развернулась к монитору… Парфюм. Да, отвлекает, но много чести тебе, гаду, такое подтверждать.

Офисный улей тем временем вышел на пиковую мощность своей омерзительности.

– Диан, пошли к источнику животворному? Острая нехватка капучино в организме, – над моим ухом согнулась Катя.

Мы не были подругами.

Катя носила худи, пахла вейпом со вкусом энергетика и знала все читы мира ИТ. Настоящая цифровая мышь.

– Пошли.

У кофемашины пахло пережженными зернами.

И именно там меня поджидал еще один представитель семейства гадов обыкновенных.

Это был парень, то ли из техподдержки… или АХО. Он меняет картриджи, крутит кулеры и ковыряется в проводах под столами.

Лет двадцать, не больше. Симпатичный, но максимально отталкивающий: резкие скулы, темные волосы растрепанные, вечная мятая клетчатая рубашка на футболку.

Он двигался дергано, зло швырял пятилитровые бутыли.

– Токсик. – подметила Катя.

Я согласно кивнула.

Увидев меня, малолетка замер. Его взгляд – тяжелый, липкий, совершенно не соответствующий его возрасту – мазнул по лицу.

Он шагнул вперед, перекрывая мне узкий проход к чашкам.

Слишком близко. Настолько, что я почувствовала от него запах едкого стирального порошка.

Он облокотился на стену, глядя на меня сверху вниз с такой наглой ухмылкой, будто у него были ключи от моей жизни. Тупой подкат без единого слова.

– Отвали, а?

После моего «отвали» он так яростно посмотрел, что мне даже стало не по себе.

Парень и не подумал отвалить.

– А если не отвалю, Диан? Что сделаешь? Своему Смирнову пожалуешься?

– Иди кулеры крути, пока тебе админ -я права на жизнь не заблокировала! – Катя шагнула вперед.

Он даже не повернулся к ней. Просто выплюнул, не глядя:

– Заткнись, мышь. Тебя вообще не спрашивали.

– Рот закрой, – зло прошипела я. Глаза в глаза. – Мышь у тебя дома в холодильнике, дрочер. А тут коллега, понял?

Он опять зыркнул как-то… дико. Ненормально.

– Ладно, Диана Владимировна… – процедил он. – Стро-

ишь из себя королеву. Думаешь, вы все тут бессмертные в своих пиджаках?

Он развернулся и ушел, зло пнув ногой пустую пластиковую бутыль.

Мы с Катей молча забрали свои чашки и отошли к окну в конце коридора.

Трясло обеих.

– Ну и психопат, – тихо сказала Катя, затягиваясь вейпом.

Густой дым на секунду скрыл ее лицо.

– Откуда в нем столько яда?

– Из АХО, – мрачно заметила я, делая глоток.

Катя вздохнула, привалившись плечом к холодному стеклу.

За окном все так же лениво полз серый сентябрь.

– Диан, ты ведь тут уже два года, да?

– Два года в октябре будет. Самой страшно.

– И как ты еще не свихнулась? Ну ладно я, у меня сервера, код, я людей почти не вижу. Но ты… Каждый день в этом аквариуме. Зачем тебе это болото? Ты будто медленно себя здесь убиваешь.

– А у меня есть выбор, Кать? Да, я убиваю тут время. Или оно меня.

– Но ты ведь не всегда была такой… замороженной? Ты

как будто… спишь наяву.

Катя сделала еще одну затяжку.

– Ты вот, Диана, со всеми подкатывающими, я заметила, строга. Тебе вообще кто-нибудь нужен?

Я посмотрела на плавающие в чашке остатки пенки.

– Не будем про это.

Катя нахмурилась, хотела что-то спросить, но я уже развернулась:

– Пошли. Смирнов уже сидит у переговорки с секундомером.

***

Остаток дня тянулся как прилипшая к подошве жвачка. На совещании я выложилась: импровизировала, держала удар.

Словами через рот, как и обещала.

Шеф остался доволен. Смирнов не вякал.

В конце дня, когда опенспэйс почти опустел, ко мне подошел Виктор, он уже накинул пиджак, поправлял идеальные манжеты.

Запах «Тосканской кожи» заставил меня опять напрячься.

– Браво, Диана Владимировна. Опять выкрутились. Легендарная изворотливость.

Я медленно застегнула сумку, поднялась и посмотрела

ему прямо в серые глаза:

– Хорошего вечера, Виктор. Надеюсь, сентябрь наплюет дождем на твою рубашечку и наглую… Наглую лицо.

– Рожу?...

– Как пойдет. Ау ревуар.

Он лишь шире улыбнулся. Мерзавец.

***

Дорога домой, метро, толкотня, холодный ветер.

Я зашла домой, но включать свет не хотелось…

Сбросила обувь, переоделась в футболку и штаны.

В темноте спальни очертания мебели казались страшными монстрами, размытыми.

Я легла поверх покрывала, уставившись в серый квадрат стены. В этой тишине время больше не текло – оно застыло. Темнота за окном медленно вползала в комнату, стирая углы, превращая привычный мир в зыбкий муляж.

Глаза не закрывались… Я смотрела, не мигая, пока граница реальности не начала истончаться, словно влажная марля. Сознание окутывал странный, звенящий гул.

Так погружаются на глубину, где исчезают звуки, а толща темной воды давит на грудь, мешая дышать.

Офис, Смирнов, едкий порошок малолетки, запах Тосканской кожи – все это уходило, блекло, стиралось. Я засыпала с открытыми, стеклянными глазами. Скользя туда, где темнота обретала плоть, голос и волю…

Глава 6. Кто-нибудь видел мою девочку?

Сон накрыл меня как вор…

Я сидела.

Вокруг раскинулось бесконечное, удушающее пространство, стены в блеклых унылых обоях… красные, с узорами из бабушкиных времен.

Потолок нависал низко, и там, наверху, вопреки силе тяжести, наполовину торчал уродливый платяной шкаф.

Изнанка реальности, где сошли с ума все чертежи.

Воздух пах пылью и чем-то сладким. Малиной?

Я попыталась пошевелиться, но тело не послушалось. Опустила глаза вниз.

Кошмар… Я в старом кожаном кресле, которое наполовину, словно в болото, вросло в бетонный пол.

Мои запястья были привязаны к подлокотникам. Как на электрическом стуле.

Напротив меня горел тусклый торшер с помятым абажуром. Его желтоватый свет едва разрезал багровую темноту, но его хватало, чтобы осветить второе кресло.

Там сидел он.

Теперь я отчетливо помнила вчерашний сон, хотя днём он стерся из памяти, как забытая книга.

Лицо, как и вчера, оставалось в тени, но свет торшера выхватывал его фигуру. Мощная, широкая грудь. Мужчина сидел, широко расставив ноги и облокотившись локтями на колени. Почти касался меня.

Он был одет сегодня, но странно, почти издевательски для этого кошмара, но почему-то маняще.

На нем черные костюмные брюки, но вместо рубашки – тяжелый, порочный кожаный портупейный жилет на голое тело. Кожа на голой коже.

Издевательски? Да. Но от этого вида у меня между ног постыдно стало влажно...

– Итак, Диана. Мы вчера не закончили… Но сегодня я решил кое-что узнать.

Он чуть наклонился вперед.

– Всех отшиваешь. Мне стало любопытно – почему?

Я попыталась сглотнуть вязкую слюну, ремни на моих запястьях держали намертво.

– Сегодня я добрый, кстати. Сегодня ты можешь говорить… словами через рот.

– Кто ты?

Голос свой я слышала, как со стороны, от этого стало еще неприятнее.

– Важнее, Диан, кто ты? Со мной все просто. Я твой ночной кошмар. Хотя, если очень захочешь, стану и дневным…

– Не хочу.

– Нет, не так. Если я сам захочу. Но, Ди… Сейчас ты мо-

жешь говорить. Говори.

– Нет. Отпусти меня…

– Нет.

– Зачем тебе я?

Он чуть отодвинулся.

– Хочу тебя. Твоя грудь, твои соски, попа, ножки, губы, твои пальцы на моей спине… Но не только тело. Хочу все целиком. Твой разум, твои сны, каждый твой вдох и выдох.

– Я тебя не хочу. Отстань!

Он засмеялся, тихо, угрожающе.

– Хочешь. Ты течешь, Диана. И орёшь не-е-ет, ноу, уйди. Что с тобой не так?

Я скривила губы, ноздри мои от злости надулись как две кобры.

– Всё со мной так. Так.

– Тогда почему ты не помнишь?

– Что?

– Себя… Меня. Мы у тебя сегодня, в твоей изнанке. Присмотрись.

Я огляделась… Да. Кресло, старое, как у бабушки на даче. Обои… Ненавижу это место. Люто, дико, до дрожи.

Мужчина заметил, что я узнаю детали.

В горле у меня пересохло… Я физически не могла даже сглотнуть. Ужас… Страх и паника накрывали меня. Будто сейчас что-то вырвется наружу… Что-то, что таилось давно.

Из дальних углов бесконечного багрового пространства

послышался детский плач.

Тонкий, надрывный.

Он становился все громче и громче, заполняя собой уши, но сначала послышались тихие, шлепающие шаги.

Они тяжелели, отдаваясь в бетонном полу глухими ударами, к нам шел великан.

Из кровавой серости коридоров показалась сначала маленькая фигура.

Девочка с хвостиками шла, медленно волоча за собой по полу плюшевого медведя за лапу. Она плакала, и этот голос эхом разлетался под багровым потолком:

– Ну где ты?.. Где?.. Почему не защитила меня?..

Всё… Всё остановилось для меня. Я открыла рот в беззвучном крике, а из глаз потоками текли слёзы. Горячие, безвольные слезы.

Старое кожаное кресло подо мной начало терять форму, расплываться, уезжая вниз в пол.

Мужчина напротив резко вскочил.

Вся его вальяжность слетела – он бросился ко мне, его сильные пальцы судорожно начали рвать и отвязывать меня от кресла.

Но я больше не смотрела на него.

Я смотрела только на нее.

С каждым шагом она неестественно, жутко росла, заполняя собой все ломающееся пространство.

На ней была грязная, порванная футболка и разодранная, задранная чуть выше колен розовая юбочка. Изломанная невинность и хтонический ужас, масштаб душил.

Она нависала надо мной как карающий каменный идол, продолжая плакать:

– Почему ты меня не спасла?..

Я шептала, захлебываясь воздухом:

– Нет… нет… нет… Как? Ко мне… не надо…

Мужчина совсем быстро доразвязал меня, его пальцы буквально горели на моих запястьях.

– Кто она?! – кричал он мне прямо на ухо, пытаясь перекрыть трубу детского плача.

– Кто эта девочка, Ди?! Это из-за нее ты ненавидишь род мужской? Сестра?! Кто?!

– Это я!!!

Я кричала, захлебываясь слезами.

– Это была я!!

Мужчина замер, а потом резко попытался меня обнять, прижать к своей груди, чтобы меня перестало трясти.

Но моя изнанка уже взбунтовалась.

Я заорала голосом, от которого тусклые лампы торшера с треском лопнули:

– Я не могла!.. Мы не могли!..

И тут багровое пространство с грохотом схлопнулось.

Я проснулась…

#######«Пластинки» (cockcrow_6 Remix) от Etreamoi:
Ещё один холодный день,

Идти куда-то просто лень.

Да и никто сегодня не звонит,

Пейзаж в окне опять застыл.

Туман, как в фильме «Сайлент Хилл»,

Всё тот же скучный, надоевший вид.
Приходи ко мне -

Слушать старые пластинки:

Divine Comedy, Питера Гэбриела и Стинга.

Мир сошёл с ума,

Надоело всё, что там снаружи.

Давай до утра старые пластинки слушать.
Какая жуткая тоска,

И время стынет у виска.

И ближе к ночи - свет пустых огней.

А я устал чего-то ждать,

Я не хочу ложиться спать,

Мне снова страшно, я звоню тебе.#### ####

Глава 7. Проснись, Ди!

Я проснулась.

Сердце колотилось. Футболка мокрая, липкая, лицо мокрое от слез.

Сон стирался за секунды, уплывал сквозь пальцы, оставляя после себя только саднящую горечь.

Память на секунду приоткрывает подвал с главным кошмаром, а потом… милосердно захлопывает дверь обратно.

Но тело… тело всё помнит. Внутри остается животный след: дикая боль, паника и четкое знание, что там, во тьме былого, с тобой сделали что-то страшное.

И ты от этого не спаслась.

Я резко подорвалась с кровати.

Механически, маниакально начала включать вообще всё, что могло светиться в квартире.

Верхний свет в спальне, бра, лампа на тумбочке, свет в коридоре, люстра на кухне.

Когда квартира превратилась в залитый электрическим сиянием куб, я вернулась на кровать. Села, подтянув колени к груди.

И просто смотрела в темное окно.

Главное – больше не спать. Никогда не спать, не возвра-

щаться туда.

Я сидела так, пока блеклое солнце серого сентября не мазнуло по оконному стеклу.

***

Офис встретил меня привычным, омерзительным гулом.

Шумели принтеры, звенели телефоны, кто-то громко обсуждал планы на выходные.

Только сегодня у меня внутри не было сил даже на привычный цинизм.

Голова раскалывалась после бессонной ночи.

Я дошла до своего стола и буквально упала в рабочее кресло.

Смирнов уже сидел напротив на месте Маши.

Идеальный, как всегда. Белая рубашка, безупречная поза. Я не поздоровалась – много чести.

Просто коротко, безразлично кивнула и уставилась в монитор. Ненавижу… Господи, как я его ненавижу.

Именно сегодня – тот самый день. Точка кипения. Всё, уволюсь, напишу заявление, швырну шефу на стол и больше ни дня не останусь в этом болоте.

Но… Виктор сегодня был странным.

Немного растерянным, что ли… Исчезла его наглая ухмылочка.

Он смотрел на меня как-то мягко, виновато, будто золотистый ретривер, который ждет наказания. Что за метаморфоза, Смирнов? Где твой оскал мерзавца?

И тут случилось вообще непостижимое.

Виктор встал, медленно обошел мой стол и аккуратно поставил мне бумажный стаканчик. Из пластиковой крышки шел сладкий аромат.

– Купил в кофейне внизу… Я знаю, ты любишь раф. С корицей.

Я медленно перевела взгляд со стакана на его идеальное лицо.

–Смирнов, чего ты хочешь? Переписать на тебя квартиру? Чего тебе?

– Я… Хочу поговорить, Диан.

– Диа-а-ан? Это что за ласковость, Виктор? Дай угадаю: тебя внезапно открылись дзэн, тайны бытия и смысл фразы «Виктор Смирнов самоуверенный, дотошный гад»?

– Ругайся, если хочешь. Можешь поиздеваться надо мной сколько угодно. Да это сейчас единственная форма обратной связи, которую я заслужил.

– О-ог-о-о…

Тут моё терпение лопнуло. Никаких больше Викторов, никаких офисов, никаких малолеток-крыс у кофемашины. Я вскочила, как была в свём пальто, взяла стаканчик с рафом и быстро пошла по коридору, с такой скоростью, что Алиночка с утренним подносом опасливо отскочила от приоткрытой двери к шефу в кабинет.

– Прекрасно!

Я толкнула дверь ногой, и заорала прямо в лицо удивлён-

ному гендиру:

– Я уволилась! Сегодня! И да… Вы тупой. Как … Как…

– Как дерево.

Виктор подсказал громко из-за моей спины.

– Спасибо, Виктор, хороший песик, – бросила я через плечо, даже не оборачиваясь.

Виктор смиренно промолчал.

Он послушно следовал за мной шаг в шаг, пока мы шли к лифтам.

Спуск на лифте, зеркальные стены, пиканье этажей. Я смотрела перед собой, Виктор – на меня.

Когда мы вышли из бизнес-центра, силы меня немного оставили.

Накатил резкий откат после устроенного взрыва.

Я остановилась, запахнула плотнее брусничное пальто и молча пила свой раф.

Виктор встал рядом. Ветер продирал его тонкую белую рубашку до костей, манжеты трепало, но он стоически не уходил.

– Ди… Я всё думал, почему ты в офисе делала вид, что мы вообще не знакомы? Думал, ты просто ледяная, кхм… стерва.

Я подсказала:

– Сука?

Он молча кивнул.

– А сегодня… Диан. Ты реально меня не помнишь? Во-

обще ничего?

Я качаю головой.

– Диана, тогда летом… на корпоративном выезде… мы… ты помнишь? Вечер, игра, я в том дурацком жилете на голое тело… Я был так глуп, но ты была так прекрасна, я думал лишь о тебе. Мы…

– Что мы, Виктор?

– Это был кайфовый секс, Ди. Настоящий. И потом, когда… когда я сказал, что люблю тебя, ты оцепенела. Просто развернулась и ушла. А утром началась эта твоя игра в ледяную суку…

Я слушала его как умалишенного.

Смирнов нес какой-то запредельный, фантастический бред.

Портупея, лето, секс, признание в любви… Какое лето? У меня в голове звенело.

– Та-а-к, Смирнов… – я медленно поставила пустой стаканчик из-под рафа на парапет. Внутри всё горело.

– Я в офис.

– Ты что, забыла? Ты же только что уволилась! Куда ты?

– Да пописать я пошла, Смирнов. Отвали.

***

Но он не отвалил. Шел за мной, ловя плечом стеклянную дверь, и говорил:

– Но я злился, Диан. Думал, что со мной не так? Потом

просто злился на тебя… Ты была в моей голове все время! Я думал… я, честно сказать, немного сталкерил. Одержимость какая-то. И вот я нашел кое-что вчера… В том городе, где ты жила. Статья пятнадцатилетней давности… с твоим именем, фамилией и твоим фото. Господи, Ди… Тот мужик – он чудовище. Просто монстр. А ты… Его посадили, а тебя долго лечили. Психиатрия, затяжная бессонница…

Я слушала его уже с холодком по спине.

В моей голове приподнимались тяжелые шторы, приоткрывая вид на то, что было давным-давно запихано, затолкано, зацементировано глубоко внутрь.

На ту самую девочку в разорванной розовой юбочке…

– Диана… Прости меня. Я, да, дотошный гад. Но я всё еще готов подтвердить…

– Что?

– Что люблю.

Я повела плечами, на автомате открыла дверь в дамский туалет, но Виктор, наплевав на все приличия, прошел прямо за мной.

Я закрылась в узкой кабинке, а он остался стоять у зеркал.

Он у раковин всё еще что-то говорил…

Резко снаружи, из опенспэйса, раздались дикие, истошные крики.

Грохот. Выстрел. Еще один.

Виктор начал молча, судорожно дергать ручку двери моей кабины.

Я, окончательно проснувшись, трясущимися пальцами открыла.

Он залетел внутрь, прижал меня спиной к стене, приложил палец к моим губам и тихо, едва дыша, прошептал:

– Похоже, шуттер…

Глава 8. Четыре, пять... Я иду искать!

Меня трясло от ужаса.

Снаружи повисла тишина. Потом глухой выстрел, короткий стон, и хриплый голос почти у самых дверей

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.